

ШТЫКОВ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ

Родился в 1921 году в деревне Крутиха Арамашевского района Тюменской области. В г. Н-Тагил окончил курсы химиков-лаборантов в 1940 году и начал работать в лаборатории Ново – Тагильского металлургического завода. Одновременно учился в 10 классе вечерней школы. 15 марта 1941 года получил повестку из городского военкомата. Экстерном сдал экзамены и получил свидетельство о среднем образовании.

О начале военной службы Николай Ильич вспоминал: «Началась военная служба в Новотроицке Челябинской области. 2 мая 1941 года по боевой тревоге погрузились в вагоны и в середине мая были уже в Двинске (Латвия) в парашютно-десантном батальоне. 19 июня двинулись к границе с Германией. В этом походе и застало нас начало войны. В первые дни войны десятая воздушно-десантная бригада оказалась в тылу у немцев. С боями стали двигаться обратно. Фашисты не вступали в бой со всей колонной, а отсекали небольшую часть колонны и уничтожали. Когда проходили через очередной хутор, часть колонны отсекали пулеметным огнем, в ней оказался и я. Легкое ранение ноги. Передняя часть колонны вышла из окружения. Матушка получила письмо о гибели сына... А я и еще трое бойцов спаслись и вчетвером двигались по латвийской земле на восток. Впереди река. Без пищи обессилели, загноилась у меня рана. Решили зайти на хутор. Немцев не было. Хозяйева накормили и попросили подождать в сарае. Когда испечется хлеб, дадут на дорогу. После еды и усталости клонило ко сну. Решили по - одному стоять на посту. Заснули, заснул и часовой. Разбудили немцы с автоматами. Это было 8 июля 1941 года».

Плен... Лагерь военнопленных у г. Даугавпилс. Дощатые бараки переполнены, голод и холод. Колючая проволока, вышка, пулеметы.... Жестокие морозы зимы 1942 года. В лагере лютовали полицаи. В конце марта погрузили в вагон и повезли на Запад. Польша, Германия – г. Нейштеттин. Снова лагерь, дощатые бараки, баланда из брюквы. Затем работа в хозяйстве гроссбауэра. Жили в конюшне. Ноябрь 1942 г. Снова лагерь неблагонадежных. Затем шахтерский городок Браэ на севере Франции.

Так в начале войны Николай Ильич оказался в немецкой неволе. О своей судьбе и о судьбах миллионов советских военнопленных он вспоминал: «Под конвоем нас привели в лагерь, окруженный несколькими рядами колючей проволоки, а по углам лагеря стояли вышки, где находились часовые с пулеметами. Вся территория освещалась прожекторами.

Пленных выстроили. Перед строем немецкий офицер объявил, а переводчик перевел, что пленные будут работать в шахте. Тот, кто попытается бежать, будет расстрелян. Да, расстреливать они умеют, в этом мы убедились.

Через некоторое время пленных повели на шахту, которая находилась километрах в двух от лагеря. Конвоиры подвели к раздевалке, там был и душ. Переводчик объявил, чтобы мы переоделись, а одежду повесили на крючки. У меня был номер 1001. Затем мы получили шахтерские лампы, каждый свой номер, пошли к подъемнику. В клеть заходили по несколько человек и спускались вниз. Немцы вниз не спускались, а оставались наверху.

Внизу к пленным подошли забойщики и каждый из них выбрал себе напарника. Я попал к забойщику-поляку, который до войны переехал во Францию на заработки, да так и остался там.

Во Франции мы почувствовали солидарность с советскими людьми. Французы и поляки относились к нам доброжелательно, иногда приносили что-нибудь поесть.

В лагере был организован подпольный лагерный комитет, в состав которого вошли и мои товарищи Таскин Василий и Галивец Иван.

В апреле 1943 года я заболел, меня поместили в «госпиталь», то есть в другой барак, откуда не гоняли на работу. Там пробыл недели две и ближе познакомился с переводчиком из русских эмигрантов. Однажды я стоял во дворе лагеря и смотрел в сторону леса, подошел переводчик и спросил: «Что так пристально смотришь?» Я ответил, что лес манит, а он мне говорит: «Если поймают, знаешь, что будет?» Немного помолчав, он сказал: «Если бежать, то нужно держать правее, так как левее есть лагерь и много немцев».

Я понемногу набирался сил и стал готовиться к побегу. Из латунных монет делал кольца и отдавал французам, они за это приносили что-нибудь из еды».

И вот побег из фашистского плена.

«Предложил Галивец Иван мне бежать вместе. Но я сказал, что у меня есть друг Ткаченко, и я его не оставлю. Так мы решили втроем бежать. 22 мая 1943 года, когда нас подняли из шахты, было темно, и шел дождь. Нас повели в душевую, где мы переоделись. Часовой, охранявший нас, пошел прикурить к другому часовому, стоявшему у другой двери. Дождь пошел сильнее, и мы проскользнули из душевой и задом двигались от двери, пока было видно часовых. Повернуться к ним спиной было опасно, так как на спине белой краской были написаны большие буквы «SU», что означало Советский Союз. Когда часовых стало не видно, мы побежали, чтобы скорее покинуть территорию шахты. Вскоре загудела сирена – это обнаружили наш побег, но дождь помог нам, и собаки след не обнаружили.

За ночь мы прошли около 30 км. Плутали в болотистой местности, никак не могли найти выход. Под утро, когда еще стоял сильный туман, увидели тропу и пошли по ней, но на пути мы увидели загороженный объект и часового на вышке. К счастью, часовой нас не заметил в тумане, и мы повернули обратно. Нашли другую тропу, она вывела нас на улицу населенного пункта. Мы пошли по улице с намерением где-нибудь свернуть в сторону. На улице мы увидели часового, а во дворе стояли автомашины и танки. Бежать было поздно, так как часовой нас заметил. И мы пошли прямо в сторону часового, рассчитывая на то, что если он захочет нас задержать, то

овладеть его винтовкой и дорожке отдать свою жизнь, то есть уничтожить несколько фашистов. И так мы прошли около часового, он ни слова, и мы тоже ни слова. Но когда часовой остался позади, стало страшно, ведь у нас на спине были написаны буквы SU , кроме того, нам не видно, что делает часовой, и повернуться нельзя. Затем, когда, по расчету, часовой не должен нас видеть, мы свернули в сторону и выбежали на окраину. Это был город Аррас. Быстро побежали в поле и спрятались в люцерне, где пробыли целый день.

Вечером двинулись дальше в путь. Недалеко от города Альбер скрывались у одного рабочего на чердаке. Он хотел познакомить нас с партизанами. Ждали, когда подрастут волосы и отмоеется угольная пыль. Усиленно изучали французский язык, чтобы легче было общаться с французами и иметь возможность ориентироваться в пути. С партизанами соединиться не удалось, и в начале июля мы снова двинулись в путь.

14 июля 1943 года мы подошли к местечку Меме в департаменте Сомм. На кладбище встретили рабочего Фле Луи, который, переговорив с бельгийцем Лёпажем, обещал помочь. Бывает в жизни так, что люди разных наций становятся ближе и дорожке.

Питались колосьями пшеницы. Днем находились в лесу, а ночью спали на кладбище в склепе, куда нам приносили пищу. Ночью ловили кроликов. В лесу их было очень много, поэтому лес был огорожен от полей металлической сеткой. Мы сделали в сетке отверстия и установили петли из проволоки, в которые ловили кроликов. Пойманных кроликов отдавали рабочему кладбища Фле Луи, он приносил немного хлеба и отваренных кроликов. В лесу разводить костры у французов не принято, да и леса здесь были очень маленькие – быстро себя обнаружим. Воду пили из колоды для поения коров, которые паслись недалеко от кладбища. Когда поспели орех и фундук, то питались и ими.

Однажды нас пригласил на ферму Лёпаж Жан-Батист. Поздно вечером мы пошли на ферму.

И вот мы впервые сидим за столом и ведем беседу. Обычаев их не знаем. Затем Лёпаж включил приемник и поймал Москву. Раздались позывные нашей Родины. Сразу вспомнились слова «Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Слушая родную музыку и голос Москвы, у нас сжималось сердце, навертывались слезы, и сдержать их мы не могли. Семья внимательно слушала нас и следила за каждым нашим движением.

Да, только тогда узнаешь, как дорога Родина, когда находишься от нее очень далеко. Такая тоска была у нас по далекой родной стороне, где мы жили свободно, но нарушил нашу радостную жизнь фашизм. Когда Родина далеко, то чаще вспоминается детство.

Фле Луи обещал познакомить нас с членом компартии Франции в Париже.

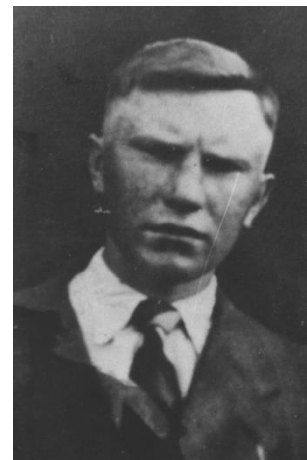
Недели через две Фле Луи пришел в лес с членом французской компартии Морисом Берт.

В начале сентября 1943 года Морис Берт приехал к нам с секретарем коммунистической партии Франции секции Сант-Уэн Анри Спилером, который сфотографировал нас для документов и обещал оформить паспорта.

24 сентября 1943 года Морис Берт привез паспорта и одежду. Волосы к тому времени у нас подросли, и не так бросалось в глаза, что мы не французы. У меня был паспорт на имя Леванского Станислава, поляка, принявшего французское подданство. И мы поехали в Париж».

С октября 1943 года по февраль 1944 года Н.И. Штыков занимался подпольной работой во французской компартии. О чем он вспоминал: «Через несколько дней Галивец И.В. был отправлен в партизанский отряд, а меня оставили для подпольной работы в компартии.

Работать приходилось все время в напряжении. Я знакомился с конспирацией, изучал город Париж, станции метро, французский и польский языки, обычаи и характер французов. Наблюдал, как приветствовать при входе в кафе и отвечать на приветствие, в какой руке держать вилку, нож и как ими пользоваться. Трудно было привыкнуть есть бульон без хлеба, принять или подать пальто. Первый раз, когда я ел яичницу, не зная обычая, товарищи заметили и пояснили, что нужно отрезать кусочек хлеба, взять его вилкой, зачистить им тарелку, а хлеб съесть. Как-то мы пошли покушать, заказали мясо, а его едят недожаренное, то есть сверху и снизу поджарят, а в середине, когда его режешь ножом, оно кровяное.

Члены компартии были разделены на звенья, по 3-4 человека в звене. Связь между звеньями осуществлялась по «цепочке», то есть один из звена имел связь с членом компартии другого звена и т.д. Когда же эта «цепочка» рвалась, то вновь восстановить связь было очень трудно. Такую связь приняли потому, что если арестуют одного члена звена, то ему неизвестны члены другого звена, так меньше провалов.

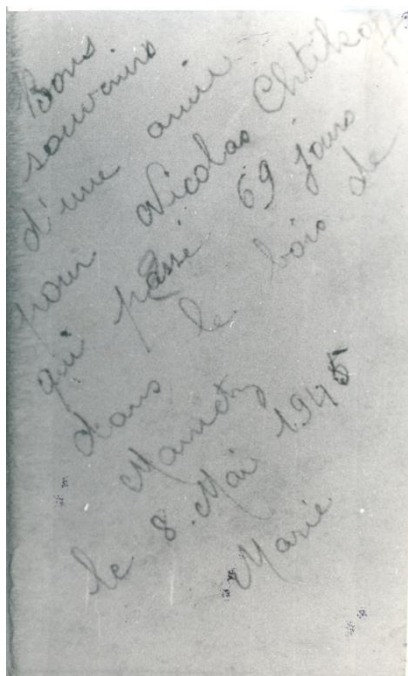
Моя работа состояла в том, чтобы принести листовки, разделить их по 50-100 штук, упаковать в пакеты, встретиться с членами компартии и передать их для распространения в их районе или на предприятии. Я получал пароль и место встречи с человеком, который должен передать мне листовки. Иногда листовки привозили в детской коляске, например, в сквер.

Я приходил и садился рядом, обменивались паролем и ждали, когда люди, находящиеся в сквере, сменялись. Затем коляску с ребенком и листовками под ним я катил к себе на квартиру. Там брал листовки, а ее увозил в условленное место. Надо сказать, что люди ради победы над фашизмом жертвовали не только своей жизнью, но и жизнью своих детей.

Однажды, когда я шел на встречу с сапожником-коммунистом Рене Ритени, заметил за ним слежку и, поравнявшись с ним, пакета не передал, а глазами, легким поворотом головы указал на шпика, но их оказалось двое. Второй шпик заметил мой сигнал. Один пошел за Рене Ритени, второй за мной.

Шел от меня на расстоянии 10-15 метров. Я остановился у витрины магазина, чтобы проверить слежку, но и шпик тоже остановился. Я спустился в метро, и он за мной в метро. В самый последний момент, когда должны закрыться двери, я быстро выскакиваю из вагона на площадку, и он из других тоже на площадку. Я на окраину города, и он за мной. И так продолжалось до позднего вечера. В 11 часов вечера я подошел к углу квартала, в это время со мной поравнялась легковая машина и стала медленно поворачивать, я прыгнул и уцепился за запасное колесо. Машина набрала скорость, и я оторвался от слежки. На другом повороте я спрыгнул с машины и был рад, что ушел от шпики, но товарищ Рене Ритени был схвачен.

Французские коммунисты решили познакомить меня с внуком Карла Маркса - доктором Эдгаром Лонге – сыном Шарля Лонге и дочери К. Маркса Жени.

Выставили рабочие посты, чтобы шпики не обнаружили врасплох, и я с Морисом Берт пришел к Эдгару Лонге. Это был худощавый мужчина в возрасте примерно 65 лет. Беседа велась минут пятнадцать, но беда в том, что нельзя сказать было, что я советский, русский и работаю подпольно во Французской компартии.

Настало время, когда фашисты хватили на улицах г. Парижа и других городов молодежь и отправляли на работы в Германию. Остаться в Париже стало опасно»¹.

26 февраля 1944 года Николай Ильич уехал в партизанский отряд «Ленинград», в котором было 7 человек: русские, поляк, итальянец, французский коммунист. Затем появился в отряде 17-летний юноша, угнанный в Германию с Украины, владеющий 3 языками (французский, немецкий, испанский). Оружие доставали сами. И действовали разнообразными методами и средствами. Пустили под откос воинский эшелон, разобрав путь, вывели из строя угольную шахту на две недели (завалили всем, что под руку попало),

¹ Из воспоминаний Н.И. Штыкова

взорвали опору электролинии к военному заводу, разбросали листовки «власовцам» - сразу убежали 10 человек. Образовались еще три отряда: «Каховка», «Севастополь», польский. Попадали в засады, окружения. Теряли товарищей.

В августе 1944 года все мелкие партизанские отряды были объединены в один «Максим Горький» для проведения более крупных операций.

В ноябре Николай Ильич заболел и вернулся в Париж. Подлечившись, прибыл на Советский сборный пункт, где

был назначен помощником командира роты по политчасти. Победа. Хотя территория Франции была освобождена в 1944 году, народ Парижа вышел на улицы: играла музыка, лились песни, фейерверки, танцы до глубокой ночи.

«25 мая 1945 года на американском самолете нас доставили в Германию на границу американской и советской зон оккупации. Когда переходили по мосту через речку на советскую сторону, духовой оркестр играл вальс «Тоска по Родине». Счастливые люди, со слезами на глазах шли и слушали наш родной оркестр».

Как встретила бойца французского сопротивления Родина? В середине июля 1945 года пешим строем месяц шли из Германии до г. Львова, где ждали обмундирование и вооружение для отправки на японский фронт.

Но война с Японией быстро закончилась. Их отправили в Донбасс на восстановление угольных шахт. Там проработал Николай Ильич с сентября 1945 года до 27 августа 1946 года и прошел государственную проверку в Донецком отделении Комитета Государственной безопасности.

Только в сентябре 1946 года вернулся в г. Н-Тагил, где снова три года работал в лаборатории Ново-Тагильского металлургического завода.

С 1 августа 1949 года стал жителем города Красноуфимска и начальником лаборатории Красноуфимского опытно-экспериментального завода. В 1956-60 г.г. окончил заочное отделение Свердловского горно-металлургического техникума.

В 1967 году перешел на работу в Красноуфимский совхоз-техникум преподавателем предмета «Технология металлов». В 1976 году заочно окончил факультет механизации Свердловского сельскохозяйственного института.

В 1984 году вышел на пенсию. Во время работы в техникуме руководил фотокружком и оставил о себе память коллективу аграрного колледжа сотнями фотозтудов из жизни учебного учреждения 1960-70 г.г.

За свой двадцатилетний творческий труд многократно награждался грамотами, благодарностями, премиями. Не забыт и государством Николай Ильич награжден медалями «Ветеран труда», «За победу над Германией» и юбилейными в честь Великой Победы.

А за героизм в подпольной работе Компартии Франции и участие в партизанском отряде Французского сопротивления награжден орденом Французской республики.

Вырастили и воспитали Николай Ильич с супругой Маргаритой Павловной двух сыновей и дочь.

Рано ушел из жизни из-за пережитых испытаний. Вечная ему память!!!

